

Кто же мог помыслить, что пока стражники отправились за Мин Сянчжао и свидетелями, в залу суда ворвется новое, совершенно непредвиденное обстоятельство.

Один из дежурных служителей поспешил на помост, дабы доложить о прибытии человека срочным прошением.

Сегодняшняя ночная управа воистину бурлила жизнью и напоминала растревоженный улей.

Лэ Уя спросил:

— Кто явился?

Стражник почтительно отозвался:

— Судья, у ворот бьет челом Ли Асы.

Мясник Ли Асы?

Тот самый тайный и подлинный хозяин азартного дома «Цзисинь»?

Лэ Уя выказал легкое удивление:

— С каким именно прошением он прибежал в такой час?

Стражник доложил:

— Если судить по его путаным крикам, речь идет о крупной и дерзкой краже.

Лэ Уя дважды удивленно хлопнул глазами, после чего его губы тронула едва заметная, лукавая улыбка:

— Будь то великое государственное злодеяние или мелкая домашняя кража, всякое дело напрямую касается покоя наших подданных. Призвать просителя в зал.

Днем, во время облавы в притоне, Лэ Уя вовсе не по чистой случайности пустил в ход ту самую фальшивую «бунтарскую книгу», дабы намертво прижать Ли Асы к ногтю.

Однако то, что этот хитрый мясник среагирует настолько молниеносно и сам прибежит сдаваться посреди ночи, превзошло даже самые смелые ожидания Лэ Уя.

Что ж, по всему видно, этот толстосум оказался далеко не глупым.

Спустя минуту в зал заседаний вальяжной, размеренной походкой вкатился мужчина лет пятидесяти. Его лицо лоснилось здоровым, румяным глянцем, а тучное телосложение не оставляло сомнений в его сытой жизни. Выпятив вперед объемистое брюхо и широко переставляя ноги, он чинно проследовал к помосту, ведя за собой двоих спутников.

Заметив на себе чужой взгляд, незнакомец мягко и вежливо улыбнулся, и в тот же миг сияние луны вместе со снежными бликами словно померкли на целую треть.

Второй же путник носил на голове черную бамбуковую шляпу с длинной вуалью, которая наглухо скрывала черты его лица. Однако его властная и величественная осанка не оставляла сомнений: перед толпой стоял благородный господин, подобный роскошному цветку из императорского сада, распутившемуся во всем своем пышном великолепии.

Обыватель, у которого эти двое совершенных, точно вырезанные из безупречной яшмы господина, спросили дорогу, от сильного потрясения даже начал слегка заикаться:

— ...Н-не за что.

Взирая на поданный ему тонкий листок долгового векселя, а также на счетоводную книгу, где дата и имя получателя были зафиксированы с абсолютной точностью, Лэ Уя лучезарно улыбнулся:

— Ты славно подготовился.

Движение каких-то пятидесяти лянов серебра для заведения, через которое ежедневно широким потоком утекали и притекали колоссальные средства, было подобно ничтожной капле в бескрайнем море.

Как бы Ли Асы еще в момент обналичивания не почуял неладное и умышленно не отложил эти записи в сторону, за столь короткий ночной промежуток времени он ни за что на свете не сумел бы отыскать их в архивах.

Старый лис Ли Асы предпочел сделать вид, будто совершенно не уловил скрытого намека в судебных словах. Он расплылся в ответной широкой улыбке, став точь-в-точь похожим на благодушного и миролюбивого Будду Майтрею:

— Судья безмерно превозносит ничтожного раба.

Лэ Уя веско произнес:

— Вашему судье как раз необходимо учинить допрос Лю Дэбэню. Могут ли эти вещественные доказательства и свидетели временно остаться под надзором управы?

Ли Асы покорно склонил голову:

— В ответ господину судье: именно так и надлежит поступить по закону.

Коротко бросив пару слов своему управляющему и приказчику, Ли Асы поспешил временно покинуть судебную залу.

Перед самым уходом он со значением и глубоким смыслом отвесил Лэ Уя церемонный поклон со скрещенными руками.

По всему было видать, что в будущем этим двоим предстоит иметь друг с другом еще немало общих дел.

Спустя совсем немного времени стражники привели на судейский помост Мин Сянчжао (в теле которого безмолвно пребывал подлинный Вэньжэнь Юэ), а вместе с ним доставили и главного свидетеля обвинения, Лю Дэбэня.

В тот миг, когда Вэньжэнь Юэ с закованными в колодку-хага руками опустился на колени перед судейским столом, Лэ Уя как раз неторопливо отпивал горячий чай, пристально разглядывая его поверх поднимающихся клубов пара.

Эти черты лица, которые Вэньжэнь Юэ давным-давно успел досконально выучить перед зеркалом, сейчас под воздействием влажного тепла казались слегка затуманенными, что придавало им некоторую незнакомую и весьма занятную прелесть.

Книжник чинно и по всем правилам склонился перед судейским креслом, отвесив земной поклон.

Лэ Уя ровно скомандовал:

— Мин Сянчжао, подними лик.

Вэньжэнь Юэ слегка приподнял голову, устремив на него вопрошающий взгляд: «Мне нужно что-то говорить?»

Лэ Уя с абсолютно невозмутимым видом опустил пиалу на стол и одновременно с этим едва

заметно поджал губы.

Вэньжэнь Юэ мысленно вздохнул: «А, понятно, он по-прежнему велит мне помалкивать».

А потому он плотно сомкнул рот и не проронил ни единого звука.

Что же касалось Лю Дэбэня, то едва ступив в судебную залу и узрев коленопреклоненного ученого Мина, он мгновенно догадался, ради каких именно нужд ямынь посреди ночи сорвал его с постели.

То, что этот заносчивый книжник сейчас сидел притихший, безвольно опустив голову и даже не пытаясь протестовать или качать права, несказанно обрадовало проныру.

Заприметив, что Лэ Уя устремил на него взор, Лю Дэбэнь, не дожидаясь официальных расспросов, с величайшей готовностью принялся изливать перед судом целую лавину заученных показаний:

— Судья! В те дни ваш слуга как раз гнул спину на поденных работах у одного зажиточного хозяина. Изволил барин испить горячего вина, вот я и побежал со всех ног в трактир. Пока приказчик возился у печи, согревая кувшин, ваш слуга дожидался в сторонке и по чистой случайности услышал, как этот ученый Мин принялся самым грязным и непотребным образом поносить священную власть!.. Те мятежные речи были настолько кощунственными и мерзкими, что у вашего раба под страхом смерти не повернется язык повторить их перед Вашим судейским величием... Сперва я вознамерился сделать вид, будто ничего не слышал, и тихонько проскользнуть вдоль стеночки обратно к дверям. Да только этот Мин Сянчжао заприметил меня, свирепо зыркнул глазами и грозно выпросил, успел ли я что-то разобрать. Ваш слуга вернулся в дом, и чем больше думал об этом, тем сильнее меня затапливал дикий ужас! Я ведь существо ничтожное, мелкий муравей, которого сильные мира сего могут раздавить одним пальцем. К тому же этот ученый Мин — мастер вести судебные тяжбы и знает законы. Начни он преследовать меня ради избавления от свидетеля, вашему рабу бы несдобровать! Вот я со страху и прибежал в управу, дабы подать официальную жалобу о мятеже!

Вся эта гладкая речь до последнего иероглифа в точности повторяла те признания, что были зафиксированы в старых архивных свитках.

По всему было видно, что Лю Дэбэнь за то время, пока дожидался вызова в суд, зря времени не терял и зазубрил свой текст до полного автоматизма, смертельно боясь допустить хоть малейшую нестыковку.

Лэ Уя сощурил глаза, взирая на него с едва заметной, двусмысленной улыбкой.

Вэньжэнь Юэ, внимательно наблюдая за этим выражением лица, невольно подумал: «Похоже, у этого брата Гу в его прошлой жизни со зрением дела обстояли не самым лучшим образом,

раз он так щурится».

Лэ Уя леденящим тоном изрек:

— Лю Дэбэнь, а с каких это пор ты стал столь прозорлив? Откуда тебе было заранее известно, что Ваш судья вызвал тебя на помост именно ради расспросов по этому делу?

Не давая ему опомниться, он властно скомандовал страже:

— ...Доставить на судейский помост подсудимого Гэ Эр-цзы!

Едва Гэ Эр-цзы ступил на помост, как его лукавый и подвешенный язык тут же пустился в дело:

— Судья! Это он! Его совершенно точно перекупил рудник «Сяофу», дабы он обогал и подставил ученого Мина!

Лю Дэбэнь, который только что упивался собственной безупречной речью и втайне гордился собой, никак не ожидал, что посреди процесса черт из табакерки вынесет этого Гэ Эр-цзы. Узрев, как тот с покрасневшим от ярости лицом указывает на него пальцем, проныра окончательно опешил.

«...Что еще за чертовщина?!»

От нахлынувшей злости и паники он даже начал заикаться:

— Ты, ты... что за ахинею ты несешь?! Я ведь своими ушами все отчетливо слышал!

Язык у Гэ Эр-цзы был острым как бритва, и в искусстве базарной брани он чувствовал себя как рыба в воде. Натиск Лю Дэбэня он отбил играючи:

— И кто же подтвердит твои слова, а? Трактирный приказчик тоже слышал? Стоит тебе лишь пошевелить губами, и ты уже «слышал»! Ты суду хоть одного свидетеля со стороны предъяви!

— Да у него дома запрещенные книги нашли, вот тебе и главное доказательство!

— Ой-ей-ей, «у него дома запрещенные книги нашли»! — Гэ Эр-цзы издевательски перекошил лицо и заговорил тонким, писклявым голосом, передразнивая соперника. — Ты что, лично видел, как их там искали? Раз ты так досконально осведомлен, значит, сам эту крамолу к нему в дом и подкинул! Ой, я ведь едва не позабыл: у тебя самого лапы по локоть в чужих карманах! Помнится, годами ранее ты по чужим огородам кукурузу воровал, так тебе за это едва руку не

отрубили!

Когда два уличных жулика сходятся в яростной схватке, зрелище выходит на редкость захватывающим.

Вскипев от дикой злости, Лю Дэбэнь со всей силы харкнул Гэ Эр-цзы прямо в лицо:

— Мать твою за ногу!

Гэ Эр-цзы небрежно мазнул рукавом по щеке, после чего грязными пальцами мертвой хваткой вцепился в воротник Лю Дэбэня и с новой силой принялся кататься по полу:

— Ах ты заявляешь, будто слышал?! А я вот собственными глазами видел, как люди с рудника «Сяофу» передали тебе целый мешок серебра, дабы купить твою паршивую душонку!

Лю Дэбэня затапливала все большая паника:

— Собачий бред!

Вэньжэнь Юэ с нескрываемым изумлением наблюдал за этой форменной грызнёй двух псов. Пользуясь тем, что все внимание зала приковано к драке, он тихонько отполз на коленях чуть в сторону и приподнял голову, устремив вопрошающий взор на Лэ Уя:

«...Миновал всего один световой день, как же ситуация успела разрастись до таких масштабов?»

Лэ Уя в своей прошлой жизни привык держать величественную, высокомерную мину, а сменив телесную оболочку, и вовсе не утруждал себя излишним притворством. Он изящно прикрыл нижнюю часть лица раскрытым веером и тихонько, лукаво прыснул со смеху.

Торжественное пламя судебных светильников заливало залу теплым, ярким светом. В эту секунду обоим на мгновение показалось, будто они вновь вернулись в ту прошлую бурную ночь, когда их судьбы впервые переплелись.

Вэньжэнь Юэ снизу вверх завороченно смотрел на его сощуренные, изогнутые полумесяцами глаза, что выступали над расписным краем веера.

...В этом взоре словно сияли колоссальные, ослепительные лучи, которые заставляли чужую душу трепетать и замирать от восторга.

Улучив идеальное мгновение, Лэ Уя лениво вклинился в перепалку жуликов:

— Лю Дэбэнь, коли ты клятвенно уверяешь суд, будто никакого серебра в глаза не видел... Что если Ваш судья прямо сейчас отправит стражников перевернуть твой дом вверх дном и учинить доскональный обыск, а?

У Лю Дэбэня внутри все так и оборвалось.

Пойти на подлое лжесвидетельство и оклеветать человека в государственной измене — это ведь значило рискнуть собственной головой на плахе. Разумеется, за столь страшный грех он не стал бы работать задаром и в свое время нещадно, дочиста обобрал хозяев рудника «Сяофу».

Те самые пятьдесят лянов серебра, что выдала ему контора, он получил на руки всего несколько дней назад, монеты в кошельке еще толком согреться не успели.

Если стражники ямыня сейчас действительно вытащат этот мешок из тайника, какими именно речами он станет оправдываться перед судом?

Впрочем, уличная смекалка и изворотливый ум не оставили его и в этот критический миг. Проныра поспешно запричитал:

— Пускай судья обыскивает, сколько душеньке угодно! Да только... только у вашего раба не так давно покинул этот мир один дальний двоюродный дядька. У него ни сыновей, ни дочерей отродясь не водилось, вот он пред кончиной и отписал вашему ничтожному слуге небольшое денежное наследство!

Гэ Эр-цзы, который до этого стоял чуть поодаль на помосте и до последнего иероглифа выслушал жалобу Ли Асы, со всей дури принялся подливать масла в огонь, истошно вереща:

— И сумма этого внезапного дядиного наследства, надо полагать, по чистой случайности составила ровно пятьдесят лянов, а?!

...В эту секунду Лю Дэбэнь готов был собственными руками задушить этого гада прямо посреди судебного зала.

Лэ Уя устремил взор вдаль, поверх голов спорящих. Он как раз раздумывал, стоит ли ему прямо сейчас выслать конвой на обыск к Лю Дэбэню или же позволить этим двоим еще немного потешить суд своей комедией, как вдруг заприметил в колышущейся у ворот толпе одинокую фигуру. Человек стоял неподвижно и, не отрываясь, в упор разглядывал его самого.

Сам Лэ Уя восседал на ярко освещенном помосте, в то время как незнакомец пребывал в густой ночной тени.

Разглядеть черты его лица на таком расстоянии было практически невозможно.

Судья сощурил глаза, силясь пробить взглядом темноту, однако сам этот таинственный путник к нынешнему моменту успел до мельчайших подробностей изучить и запечатлеть в памяти его силуэт.

Взор незнакомца был поразительно чистым, прямым и бесконечно сосредоточенным.

И пока шестой принц, затаив дыхание, созерцал Лэ Уя, стоявший подле него седьмой принц в черной шляпе с вуалью слегка повел головой в сторону и бросил короткий взгляд на старшего брата.

Юноша бессознательно приподнял руку и аккуратно, едва заметным движением коснулся мочки своего правого уха.

И пускай эти двое были рождены от одной матери и несли в себе одну кровь, однако шестой принц, во-первых, являлся старшим по праву рождения, а во-вторых, едва появившись на свет, был тут же передан на воспитание бездетной и всецело ушедшей в даосизм благородной наложнице Чжуан. Этот шаг изначально возвел его статус и положение при дворе на недостижимую высоту.

С течением лет их лица и фигуры стали похожи друг на друга до такой степени, что отличить братьев становилось непосильной задачей. Дабы раз и навсегда положить конец этой путанице, державный отец в свое время лично призвал к себе младшего брата, Сян Чжиши, и велел мастеру выжечь на мочке его правого уха крошечную темную отметину-родинку.

Шестилетний Сян Чжиши тогда совершенно не понимал причин происходящего. Он решил, что совершил какой-то страшный, непоправимый проступок, а воротившись в свои покои, слег и забился в жестокой лихорадке.

В полузабытьи он смутно видел Сян Чжицзе, который сидел у его изголовья и терпеливо, каплей за каплей, поил его водой и целебными отварами.

Поначалу Сян Чжиши не догадывался, за какие грехи державный отец обошелся с ним столь безжалостно.

Однако стоило ему взглянуть в это лицо, бывшее точной, безупречной копией его собственного, как Сян Чжицзе обо всем догадался.

Из самых глубин его души невольно хлынула волна дикого, безотчетного отвращения. Намеренно прикинувшись, будто все еще пребывает в беспамятстве, он яростно взмахнул рукой, силясь прогнать брата прочь, но в этой слепой злобе нечаянно опрокинул пиалу с кипящим лекарством.

Сян Чжицзе рванулся наперерез, пытаясь удержать посудину, и обжигающий отвар до

последней капли пролился прямо на тыльную сторону его ладони.

Он не издал ни единого стога. Лишь ровным голосом призвал слуг, велел им убрать осколки и сменить испачканные простыни.

Сян Чжиши с каменным лицом отвернулся к стене, нечаянно потревожив едва начавшее нарываться ухо.

Ему было невыносимо больно, однако посреди этой лютой муки он внезапно ощутил тонкую, ядовитую каплю сладострастного торжества:

«Коли ты считаешь, что в этом нет ничего страшного, пускай это клеймо выжжется на твоей собственной шкуре, так-то оно надежнее будет».

С тех самых пор седьмой принц неизменно носил в правом ухе самые разные, невысказанно дорогие и роскошные серьги с драгоценными камнями, дабы наглухо скрыть от чужих глаз приметный багровый шрам.

Даже когда они повзрослели, равенства между ними так и не появилось.

В стенах императорского дворца это было не столь заметно, но едва державный отец поручал им общее государственное дело, требующее совместного выезда за пределы столицы, Сян Чжиши всегда оказывался тем самым братом, кто обязан был наглухо скрывать свой облик под вуалью, дабы не привлекать лишнего внимания толпы.

И сколько бы лет ни утекло с тех пор, он так и не сумел свыкнуться с этой участью.

Вот и сейчас он, в отличие от Сян Чжице, был напрочь лишен возможности отчетливо разглядеть восседающего на помосте уездного начальника. Для него этот чиновник оставался лишь призрачным цветком в густом тумане да зыбким отражением луны в речной глади.

Пока Лэ Уя вершил свой ночной суд, братья тоже времени зря не теряли.

Цзян Хэ был отправлен ими в зал заседаний исключительно ради того, чтобы досконально запомнить процесс и доложить о деталях. Однако седьмой принц проявил излишнюю бдительность и тайно выслал еще несколько отрядов скрытых стражников-аньвэй ради сбора вестей на дальних подступах к ямыню.

Кто же мог помыслить, что добытые слухи с каждой минутой будут становиться все более захватывающими. Мелкие зацепки намертво переплелись между собой, разрастаясь в колоссальную, грозную шахматную партию.

И стоило Лэ Уя до конца раскопать подлинные причины кончины Чан Сяоху и мертвой хваткой вцепиться в верхушку рудника «Сяофу», как оба принца окончательно потеряли покой. Они приняли решение сбросить парадные одежды и лично, в простом купеческом платье, явиться к судейским воротам.

Едва Цзян Хэ покинул пределы ямыня, они тут же заняли его место в толпе обывателей.

Заприметив, что шестой принц созерцает судью не отрывая взора, Сян Чжиши ядовито поинтересовался:

— Шестой брат, и что же ты там высматриваешь с таким упоением? Неужто этот чинуша и впрямь сумел растопить твоё ледяное сердце?

Старший промолчал. Сян Чжиши, давно привыкший к его угрюмому нраву, ничуть не обиделся и ровным тоном продолжил:

— А парень-то действительно обладает поразительной хваткой. Учинить ночной допрос, обрушиться на заговорщиков со всей сокрушительной мощью внезапного урагана и заставить их врасплох — блестящий маневр.

— Окажись на его месте любой иной чиновник, дай он этим тварям хотя бы короткую передышку, дабы они успели перевести дух... О деталях умолчу, но Гэ Эр-цзы и Лю Дэбэня заговорщики совершенно точно успели бы ликвидировать еще до рассвета.

— И с этими шахтерами он разыграл партию на редкость изящно. До меня доходили вести, что полгода назад, во время первого следствия по делу Чан Сяоху, прежний судья тоже призывал рабочих. Да только после того, как над теми бумагами слегка пошаманили нужные люди, сильные мира сего могут поручиться, что на судейский помост тогда ступили подлинные рабочие рудника.

— Впрочем, под сводами этого рудника «Сяофу» совершенно точно творятся великие бесчинства. Сил одного лишь захолустного ямыня Наньтина явно не хватит, чтобы раздавить это кубло. Да и одного нашего дозора тут мало, а ведь я слышал, что неподалеку как раз расквартированы полки генерала Пэй Фэнью...

Сян Чжицзе резко оборвал его речь на полуслове:

— Да.

Сян Чжиши удивленно приподнял брови.

Он только что наговорил целую лавину пространных рассуждений, и на какое именно из его слов этот угрюмый молчун соизволил выдать свое отрывистое «да», оставалось лишь гадать.

Не успел он до конца осмыслить этот ответ, как Сян Чжицзе веско добавил:

— Седьмой брат, сегодня ты на редкость многословен.

Сян Чжиши замолчал: ...

«Вот как?» — подумал он, вновь устремляя взгляд сквозь вуаль на восседающего на помосте Лэ Уя.

В эту самую секунду Сян Чжиши всем сердцем возненавидел этого молодого уездного судью.

Потому что его звериное, обостренное чутье подсказывало: Сян Чжицзе этот человек пришелся по душе.

При этой мысли седьмой принц невольно замер, а его дыхание перехватило.

...Много лет назад он точно так же, до судорог в груди, умудрился возненавидеть того, прежнего человека.

Какое поразительное, пугающее сходство судеб, воистину, мир устроен на редкость забавно.

<http://bllate.org/book/18193/2007845>